

7.12.95.

591

Оболенский Алексей

Русский художник из Ниццы Алексей Оболенский

Выставка в петербургском Инженерном замке

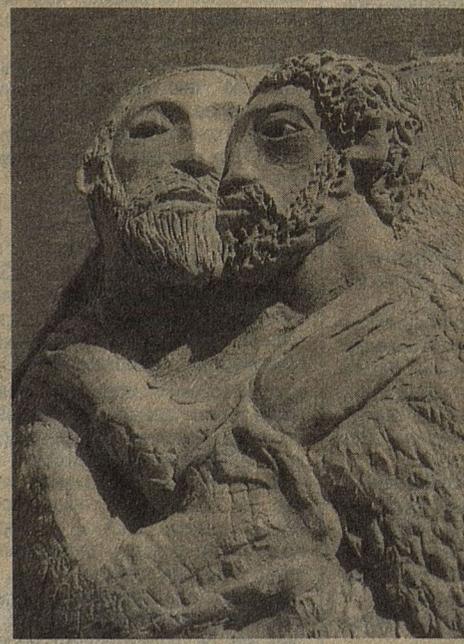
Вот уже несколько лет Русский музей в Петербурге, осваивая переданные ему новые помещения (Мраморный дворец, Инженерный замок), устраивает выставки в рамках обширной программы "Русское искусство в контексте мировой художественной культуры". Ее цель — восстановление нарушенного единства контекста русской культуры как внутри нее самой, так и в отношении к общемировой культуре.

В Мраморном дворце открылась постоянная экспозиция "Музей Петра Людвиг", прошли выставки Пабло Пикассо и неоекспрессионистов — "новых диких". Русский музей благодаря сотрудничеству с частной галереей семьи Сапоне в Ницце в середине ноября смог впервые привезти в Петербург большую коллекцию работ Павла Мансурова — известного художника и деятеля русского авангарда 1920-х годов, творчество которого было основательно "забыто" в советское время.

Очередным шагом к восстановлению единства картины развития русского и европейского искусства XX века стала небольшая, но любопытная выставка произведений русского художника и музыканта из Ниццы Алексея Оболенского, открывшаяся в залах Инженерного замка. Она стала возможной также благодаря связям Русского музея с четой Сапоне, по рекомендации которых сотрудница музея Евгения Петрова побывала в Ницце в доме автора и отобрала работы для выставки.

Хотя экспозиция отличается камерным характером (на ней представлено лишь около полусотни работ — терракота, живопись по дереву), творчество Алексея Оболенского кажется заслуживающим внимания и актуальным для развития современного искусства.

Сейчас в России (по крайней мере, в Петербурге) с некоторым опозданием по сравнению с Западом начинается кризис неформального постмодернизма, который, казалось бы, всего несколько лет назад получил возможность свободно развиваться. Движение идет или в сторону совершенствования техники изображения ирреальных форм (по типу, например, Михаила Шемякина), или в сторону превраще-

А.Оболенский. Поцелуй Иуды. Деталь.

А.Оболенский. Поклонение волхвов. Деталь.

ния объекта искусства в голую концептуальную схему, аппликацию, инсталляцию и пр. Идея обращения к "новой искренности" в искусстве становится все более популярной, недаром такой интерес вызвала здесь выставка картин Райнера Феттинга и немецких неоекспрессионистов. Симптоматично также, что грандиозная галерея диковатых образов Михаила Шемякина сменилась в выставочном зале Конногвардейского манежа экспозицией "новых русских реалистов" во главе с одиозным представителем постсоциализма Ильей Глазуновым.

В этой ситуации творчество Алексея Оболенского выглядит чем-то необычным и свежим. Его терракотовые статуэтки и барельефы на евангельские сюжеты, а особенно живописные композиции на кусках выброшенного мо-

рем главника кажутся удивительной художественной находкой. Они сочетают в себе, с одной стороны, классическую модернистскую свободу в выборе материала и обращении с ним, а с другой — теплоту и юмор, стремление простыми материалами донести до нас то, что есть в природе. В технике Алексея Оболенского заметны черты примитивизма, однако его "детские", "первобытные" фигуры и композиции обладают эмоциональной глубиной и объемностью. Недаром отец Андре Гуз из аббатства Сильванес, где выставлялся евангельский цикл Оболенского, нашел в этих работах "нетронутую благодатную свежесть романских рельефов"

Наиболее привлекательной чертой в Алексее Оболенском как художнике является своеобразие, хотя, конечно,

можно усмотреть в его искусстве некоторое влияние Пикассо или Марка Шагала. Однако главным и самым важным в его творчестве кажется искренность творческой позиции. И даже некоторый налет дилетантизма не только не делает ее смешной, но даже наоборот — придает ей серьезность и актуальность именно сейчас, когда превратно понятая эстетическая свобода постмодернизма позволяет каждому недручлившемуся студенту "заниматься современным искусством" и считать себя профессионалом. Он не выдумывает концепции, а творит, воспринимая и перерабатывая природой или случаем обработанные формы (куски дерева, на которых он пишет), христианские сюжеты, древние мифологические образы-архетипы ("Саркофаг", "Женщина-город", "В пути").

Еще одной привлекательной чертой творческой позиции Оболенского является его отношение к создаваемым эстетическим объектам. Развитие постмодернизма привело к тому, что статус "произведения искусства" стало возможным придать любому предмету, достаточно лишь поместить его в условное эстетическое поле.

Алексей Оболенский в своем творчестве придерживается принципа, что надо самому создавать объекты: "Если мне нужна какая-то вещь, то я ее создаю. Может быть, поэтому в моих работах заметна функциональная сторона, например, в шкастулках, в зеркалах, для которых я сделал рамы в моем стиле живописи по дереву, даже, может быть, в барельефах на евангельские сюжеты, одна серия из которых — "Крестный путь" — была освящена в храме Святого Марка в Ницце. Многие вещи просто сделаны мною для дома и стоят там. Вообще-то все зависит от восприятия, например, от восприятия тех, кто выбирал мои работы для выставки."

Однако в данном случае, кажется, художник просто избегает вступать в теоретическую полемику, так как его работы говорят об обратном. Отрицание художником принципиального статуса "произведений искусства" у своих картин и скульптур как раз и выявляет в них тот элемент, который придает им этот статус — творчество, création!

Алексей Оболенский привез в Петербург лишь малую часть своих работ. Как сказал художник, если Русский музей заинтересуется его творчеством и вновь окажет ему честь, пригласив выставиться в своих залах, он с удовольствием покажет петербургским ценителям искусства свою живопись.

В этот же раз на следующий день после открытия экспозиции (25 ноября) состоялась встреча зрителей с Алексеем Оболенским, на которой он рассказал о своем знакомстве с Марком Шагалом и о работе над вторым томом воспоминаний великого художника.

ЗАХАР ФИАЛКОВСКИЙ

Санкт-Петербург